

УДК 902.03.29

Л.К. ОСТРОВСКИЙ

**РЕПАТРИАЦИЯ ОПТАНТОВ, БЕЖЕНЦЕВ И ВОЕННОПЛЕННЫХ
ИЗ СИБИРИ В ПОЛЬШУ (1921–1924 гг.)**

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный
архитектурно-строительный
университет (Сибстрин),
г. Новосибирск,
e-mail: leo-ostrovskij@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности процесса репатриации беженцев, оптантов и военнопленных в Польшу после заключения в 1921 г. мирного договора в Риге между Советской Россией и Украинской Советской Социалистической Республикой, с одной стороны, и Польшей – с другой. Репатриация поляков из Сибири находится среди таких тем, которые не получили достаточного освещения в отечественной и польской историографии. Целью исследования является конкретно-историческая характеристика репатриации беженцев, оптантов и военнопленных из Сибири в Польшу. Архивный фонд Центрального управления по эвакуации населения Наркомата внутренних дел РСФСР позволяет составить представление о количестве польских беженцев и военнопленных на территории Сибири, о ходе их эвакуации на родину. На основе новых архивных документов, в том числе анкет, поступивших в оптационный отдел польского представительства в Новониколаевске, автор анализирует социальный и национальный состав репатриантов, их материальное положение, деятельность польского представительства по делам репатриации. Среди оптантов преобладающей социальной группой были крестьяне. Национальный состав оптантов отличался значительной пестротой. В статье показано влияние хозяйственной разрухи в стране на процесс репатриации граждан Польши из Сибири.

Анализ источников показывает, что репатрианты страдали от голода, холода и эпидемий. Расстройство железнодорожного движения на территории России привело к тому, что процесс репатриации затягивался. Как свидетельствуют источники, восстания крестьян, недовольных политикой «военного коммунизма», также являлись фактором, который препятствовал репатриации. Делается вывод, что репатриацию поляков на родину партия большевиков и их польские союзники стремились использовать в своих политических интересах. Архивные материалы позволяют определить политические цели большевиков и польских коммунистов, которые стремились превратить репатриантов, настроенных против революции, в сторонников революции.

Ключевые слова: репатриация, беженцы, оптанты, военнопленные, польское представительство, смешанная комиссия, Сибирь.

Актуальность темы исследования продиктована важностью российско-польских отношений XIX – начала XX в. в истории обеих стран. Без изучения российско-польских отношений указанного периода невозможно воссоздать целостную и достоверную картину прошлого как России, так и Польши. Впервые в отечественной историографии характеристика репатриации поляков на родину в начале 1920-х гг. дана в работе П. Н. Ольшанского [1]. Свидетельством значительного расширения диапазона изучаемых проблем по истории сибирско-польской проблематики в последние годы стало появление работ по истории польских беженцев [2] и военнопленных [3].

В 1926–1927 гг. вернувшиеся из Сибири на родину поляки организовали «Союз сибиряков». Членами этого союза были и ветераны польских вооруженных формирований, действовавших в Сибири в 1918 – 1920 гг. Воспоминания последних легли в основу работы С. Беганского [4]. Однако репатриация поляков из Сибири находится среди тем, которые не получили достаточного освещения в отечественной и польской историографии.

12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, а в феврале следующего года – протокол о продлении перемирия и соглашение о репатриации. Массовая репатриация поляков на историческую родину проходила в 1921–1924 гг., а вопросами эвакуации на территории Сибири ведал Сибэвак (Сибирская комиссия по эвакуации), полномочия которой распространялись на Омскую, Томскую, Семипалатинскую, Алтайскую, Енисейскую и Иркутскую губернии¹.

Соглашение о репатриации между советскими республиками и Польшей было подписано в Риге 24 февраля 1921 г. После подписания обе стороны обязывались приступить к репатриации всех заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов².

Для соблюдения соглашения о репатриации были утверждены две смешанные комиссии: одна в Москве

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 66.

² Там же. Оп. 2. Д. 186. Л. 102 а.

и одна в Варшаве. В компетенцию смешанной комиссии входило выявление лиц, подлежащих репатриации, наблюдение за их регистрацией, оказание материальной помощи. Смешанные комиссии должны были предъявлять в соответствующие центральные учреждения списки лиц, подлежащих репатриации. Соглашение предусматривало, что в числе первых транспортов должны были возвращаться гражданские пленные, интернированные и заложники³.

После подписания 18 марта 1921 г. в Риге мирного договора между Советской Россией и Польшей все лица польской национальности, проживавшие на территории России, получали право оптировать гражданство Польши.

Представительство Польши по делам оптации и репатриации начало работу в Новониколаевске 27 мая 1921 г., на него возлагались функции по осуществлению на территории Сибири статьи VI мирного договора между РСФСР и Польшей по вопросу оптации лиц, проживавших в губерниях Сибири в гражданство Польши.

В сентябре 1921 г. в Сибирь прибыло представительство Польши по делам оптации и репатриации во главе с К. Гинтовт-Дзевалтовским. Подписание мирного договора, который предусматривал возможность оптации польского гражданства, вызвало среди поляков Сибири рост настроений за возвращение на родину. Так, представитель Польбюро при губкоме РКП (б) в Томске Булянда в письме от 6 мая 1921 г. отмечал, что «почти вся сибирская колония желает возвращаться». Речь шла о крестьянах-переселенцах из Виленской, Гродненской, Витебской и Седлецкой губерний, которые «как один хотели вернуться в родные края»⁴. 16 февраля 1922 г. было объявлено о начале приема заявлений от оптантов, а 1 октября 1923 г. прием заявлений был прекращен. Оптация проводилась иностранным отделением вместе с польским представительством. Представительство Польши по делам оптации на территории Сибири работало до начала февраля 1924 г., когда продолжался прием в польское гражданство.

Право на выбор польского гражданства имели: бывшие граждане Российской империи, достигшие 18 лет, которые были записаны в книги постоянного народонаселения Царства Польского или в местной гмине, деревне, которые в то время входили в состав Польши (на 30 апреля 1921 г.); лица, достигшие 18 лет, которые находились на территории России или Украины и могли доказать свое происхождение от участников борьбы за независимость Польши в 1830 – 1865 гг. или являлись потомками тех лиц, кто не дальше как в третьем поколении проживал на территории бывшей Речи Посполитой⁵.

После подписания Рижского договора и соглашения о репатриации начался сам процесс репатриации.

Сибирское представительство польской репатриационной комиссии в Новониколаевске в течение 1921–1922 гг. зарегистрировало 58 329 чел., но из них право на репатриацию получили только 25 386 чел [4, с. 74]. Лицо, желавшее оптировать польское гражданство, должно было подать заявление с приложением документов, доказывающих право на оптацию. Заявление о выборе польского гражданства должно было подаваться консулу или другому представителю правительства Польши в течение года, начиная с 30 апреля 1921 г., а для лиц, проживавших на Кавказе и в азиатской части России, этот срок продлевался до 15 месяцев.

Автором данной статьи изучены анкеты, поступившие в оптационный отдел польского представительства в Новониколаевске в 1921–1922 гг. Всего нами обработано 4119 анкет. Среди польских оптантов жители села составляли 71,8 %, а остальные – это жители городов, поселков и железнодорожных станций. Больше всего заявлений на оптацию польского гражданства принято от сельских жителей Томской губернии (из 75 сельских населенных пунктов). В целом по Сибири заявления поступили из более 200 сельских населенных пунктов.

Среди оптантов были представители разных социальных и профессиональных групп. По роду занятий из 4119 авторов анкет наибольшую группу составляли хлебопашцы, их насчитывалось 2639 чел., или 64 %. Вторую по численности социальную группу образовали домохозяйки, которые в своем большинстве тоже принадлежали к крестьянским семьям. Чуть больше 5 % приходилось на долю служащих, которые работали как на государственных, так и частных предприятиях. Доля рабочих среди оптантов составляла более 4 %, а ремесленников была немного меньше.

Установить национальность оптантов не всегда удается, так как зачастую в графе «национальность» указана та или иная конфессиональная группа. В числе желавших оптировать польское гражданство были не только поляки, но и белорусы, украинцы, немцы, чехи – в основном крестьяне, переселившиеся в Сибирь в конце XIX – начале XX в. Доля поляков среди оптантов достигала 70 %, на втором и третьем местах находились русские и белорусы. Доля русских составляла чуть больше 6 %, белорусов – почти столько же, украинцев – 3 %⁶.

Репатриацию поляков на родину партия большевиков и их польские союзники стремились использовать в своих политических интересах. СДКПиЛ вела агитацию против отъезда рабочих и крестьян в Польшу. Вместе с тем следует отметить, что когда начался процесс репатриации, то польские коммунисты, занимавшие важные посты в губэваках (губернская комиссия по эвакуации), стремились отправить в Польшу как можно больше большевистских агитаторов [5, с. 244]. Большевики делали ставки на то, что польские народные массы, занимавшие контрреволюционные позиции, по прибытии в Польшу поменяют свою позицию и станут сторонниками революции.

³ Там же. Оп. 3. Д. 186. Л. 102 в.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 245. Л. 13.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАОНО). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 147. Л. 122.

⁶ ГАОНО. Ф. Р-1. Оп.3. Д. 170. Л. 131.

В докладе Польбюро Омска, зачитанном П. Микляшовым 24 сентября 1921 г. на собрании польских коммунистов, ставилась задача – немедленно приступить к агитации среди отъезжающих беспартийных масс. В выступлениях на собрании звучали предложения выслать в объятия «Панской Польши» рабочую и менее обеспеченную массу. В то же время не дать возможности уехать из советской России «негодному элементу», т. е. буржуазии. Чтобы препятствовать отъезду обеспеченных поляков в Польшу, польские коммунисты Омска приняли решение – назначить в губэвак своих людей в составе 9 чел.⁷

К началу 1920-х гг. значительную часть польского населения Сибири составляли беженцы. Установить точное число беженцев-поляков сложно. С одной стороны, в Сибири польскими организациями было зарегистрировано около 11 тыс. беженцев. С другой стороны, начальник административного отдела Центрэвака Ястребов в своем письме в Варшаву 26 октября 1921 г. сообщал, что общее количество польских беженцев в Сибири составляет около 300 тыс. чел.⁸

К моменту, когда началась репатриация беженцев в Польшу, в Советской России царил разруха. В начале 1920-х гг. голод охватил около 40 губерний страны. По данным советских властей, в феврале 1922 г. в стране голодало до 13 млн чел. Крестьяне, возмущенные политикой продовольственной разверстки, поднимали восстания. Крупнейшее по числу участников восстание вспыхнуло в Западной Сибири. Таким образом, эвакуация польского населения проходила в сложных условиях. О том, что беженцы сталкивались с серьезными препятствиями при выезде на родину, сообщал 6 мая 1921 г. в своем письме один из лидеров польских коммунистов Томска – Булянда. По его словам, половина беженцев не имели «беженских документов», а губэвак не регистрировал на выезд тех, кто не имел документов за 1914–1916 гг.⁹

В августе 1921 г. в Москву поступило письмо из Тюменской губернии от начальника губэвака с просьбой «о немедленной разгрузке беженцев и эмигрантов Тюменской губернии». В письме отмечалось, что Тюменская губерния «переживает ужасный кризис без продовольствия», в Ишимском и Ялуторовском уездах поля уничтожены «бандитами». Беженцы из деревень Тюменской губернии переселялись и скапливались в городах, требуя отправки на родину. В губернии насчитывалось на то время 18 тыс. польских беженцев. Регистрация беженцев не была завершена, отсутствовали сведения из 17 волостей Ялуторовского и 8 волостей Ишимского уездов, где «находились банды». Местные власти выражали опасения, что репатриация беженцев может затянуться до зимы, «а 75 % беженцев раздеты и разуты»¹⁰.

Крайне тяжелым было положение беженцев в Ишиме. В 1921 г. тяжелое положение с продовольствием на территории Ишимского и Ялуторовского уездов было усугублено распоряжением Ленина о вывозе хлеба из ссыльных пунктов данных двух уездов в центральные районы страны [6, с. 584]. В результате население этих уездов, в том числе беженцы, было обречено на голод. В октябре 1921 г. группа польских беженцев более месяца ожидала отправки. В телеграмме в Омск уполномоченного Павловского 24 октября 1921 г. говорилось о тяжелом положении детей, которые мерзли и голодали¹¹.

Местные власти в августе 1921 г. сообщали из Тюмени в Центроэвак, что в губернии часто наблюдаются случаи, когда беженцы и военнопленные не успевают погрузиться в эшелоны из-за болезней. С другой стороны, из-за обширности территории Тюменской губернии проживавшие в деревнях беженцы несвоевременно получали известия об отправке и прибывали на станции после того, как эшелон уже отправился¹². Польская делегация обратилась с просьбой в смешанную комиссию о перемещении польских репатриантов, проживавших в отдаленных местах, поближе к железнодорожным станциям, где они могли ожидать транспорт для отправки на родину.

За октябрь 1921 г. из Новониколаевска отправилось три эшелона с польскими репатриантами по 1300 чел. в каждом¹³. В октябре 1921 г. польская делегация дала согласие на отправку транспортов с репатриантами из Омска, Петропавловска, Барабинска и Семипалатинска¹⁴.

По данным Сиббюро, к январю 1922 г. «беженские массы в значительной части прошли Новониколаевск и главным образом задержались в Омске». В течение января 1922 г. предполагалась отправка санитарных поездов из Томска, Новониколаевска и Барнаула¹⁵. Как сообщалось в телеграмме из Новониколаевска уполномоченного Центроэвака в Сибири Баевского, к январю 1922 г. в некоторых городах вдоль Сибирской железной дороги «имеет место скопление репатриантов», главным образом поляков. Данная ситуация объяснялась неудачными распоряжениями властей. В результате «скоплений» в Канске оказалось до 2000 репатриантов, в Красноярске до 1000 военнопленных и 1000 беженцев, в районе Анжеро-Судженска и Тайги – около 1000 чел., в Бийске – до 1000, Омске – около 2000, Петропавловске – 4000 чел. Причем «пробка» в Петропавловске расценивалась как «наиболее нуждающаяся». Беженцы в Петропавловске находились в наихудших условиях. Из 4000 польских беженцев, около 1000 не имели жилья, находились «под голым небом». Ежедневно от тифа и холеры умирало 10 – 15 чел., всего до ухода эшелона погибло 40 % беженцев¹⁶.

⁷ Центр документации новейшей истории Омской области (далее – ЦДННАО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 485. Л. 13 – 13об.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 60. Л. 289.

⁹ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 245. Л. 13, 17.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 221.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 251. Л. 277.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 265. Л. 199.

¹³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1534. Л. 15.

¹⁴ Там же. Д. 492. Л. 128, 258.

¹⁵ Там же. Д. 1566. Л. 2; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 25. Л. 10.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 288. Л. 316.

Дорога на родину для польских репатриантов была тяжелой, так как зачастую эшелоны не были оборудованы и пассажиры страдали от холода. В пути эшелоны с репатриантами простаивали неделями, они не были оборудованы, так как железнодорожники отказывались отпускать печи, доски и дрова¹⁷. Репатрианты испытывали трудности с одеждой и продовольствием. Так, второй польский эшелон отправился из Иркутска 28 сентября 1921 г. 13 октября эшелон достиг станции Татарская, откуда комендант эшелона Краснов отправил телеграмму в Омск, где отмечал, что эшелон не имеет зимнего оборудования. Эшелон следовал с большими остановками на станциях, а «питпункты» не снабжали репатриантов продовольствием¹⁸.

Вследствие расстройств железнодорожного движения в России первые два транспорта преодолели путь в течение месяца, 4-й эшелон из Красноярска на станции Орша стоял 16 дней, а 5-й из Иркутска находился в пути 3 месяца. В лучшем случае эшелоны находились в пути примерно по 20–25 суток¹⁹.

Среди массы польских репатриантов значительную часть составляли военнопленные. После победы Февральской революции в России возникли союзы и объединения польских военных. Создаются такие союзы и в сибирских городах (Омске, Новониколаевске, Томске, Иркутске), причем в Томске и Новониколаевске они возникли в апреле – мае 1917 г. Летом 1918 г. польские организации приступили к формированию собственных военных формирований из солдат и офицеров русской армии и военнопленных из армий Германии и Австро-Венгрии. В январе 1919 г. из польских военных частей была создана единая 5-я дивизия польских стрелков. Польские части принимали участие в военных операциях против партизан на территории Западной Сибири, а после занятия частями Красной Армии Омска 5-я дивизия вынуждена была прикрывать отступление белых. 10 января 1920 г. польские части сложили оружие, и большинство солдат и офицеров оказались в тюрьмах и лагерях на территории Сибири.

В плену на территории Енисейской губернии, по данным Польшюро, оказалось около 10 тыс. польских солдат и офицеров 5-й дивизии²⁰. Тяжелые условия жизни в концентрационных лагерях привели к массовой гибели пленных. Таким образом, от болезней погибло гораздо больше польских солдат и офицеров, чем в результате военных действий. По сведениям В. Рэзера, из 10 тыс. польских солдат и офицеров, попавших в плен, на родину возвратилось около 5800, а свыше 4 тыс. либо погибли в советском плену, либо по иным причинам не вернулись в Польшу [7, с. 128].

После заключения мирного договора в Риге польские военнопленные получили возможность вернуться

на родину. Польская делегация в смешанной комиссии по делам репатриации представляла сведения российско-украинской делегации о лицах, которые действительно являлись польскими военнопленными. Данная процедура была необходима для регистрации в местных учреждениях, отвечавших за эвакуацию пленных. Польских военнопленных из лагерей, расположенных в Барнауле, Абакане и других городах Сибири, направляли в Красноярск, откуда они выезжали на родину. Делегация Польши настаивала на более быстрой регистрации польских пленных в Сибири и отправке в Польшу, которая началась в июле 1921 г.²¹

Первая группа польских военнопленных отправилась в Польшу из Красноярска 1-м эшелоном 14 августа 1921 г., она состояла из 1200 чел.²² 2-й эшелон прибыл в Москву 26 октября, в нем находилось 960 пленных с семьями, всего – 1253 чел. 3-й эшелон, в котором находилось 1176 чел., вышел из Красноярска 4-го октября, а 4-й – 6-го октября²³.

Имели место случаи задержки отправки и неудовлетворительных условий эвакуации. 5-й эшелон из Красноярска из 1158 военнопленных был загружен 31 октября, две недели стоял на станции. 8 октября прибыл в Омск, где был задержан на 7 суток из-за отсутствия дров. По сведениям польской стороны, эшелон шел до Москвы 7 недель и здесь был задержан [8, с. 379].

К концу 1921 г. была репатрирована на родину основная масса польских беженцев. В дальнейшем наряду с беженцами велась репатриация оптантов, которая продолжалась до осени 1923 г. [1, с. 26]. Репатриация польских военнопленных была проведена в течение 1921–1922 гг.

После подписания договора о перемирии между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой и соглашения о репатриации были созданы условия для репатриации оптантов, беженцев и военнопленных. Массовая репатриация поляков на историческую родину происходила в 1921–1924 гг. Эвакуация польского населения осуществлялась в сложных условиях, в России царили голод и разруха, что создавало репатриантам серьезные трудности.

Репатриацию поляков на родину большевики и их польские союзники стремились использовать в своих политических интересах. Польские коммунисты полагали, что с помощью своих сторонников в Польше можно будет вести подпольную работу и партия большевиков сможет произвести в Польше революционный переворот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ольшанский П.Н.* Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М.: Наука, 1974. 285 с.
2. *Носкова В.Н.* Польские беженцы в Тарском уезде в период Первой мировой войны // Поляки в социокультурном простран-

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 60. Л. 347об.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 251. Л. 248.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 492. Л. 448; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 25. Л. 56.

²⁰ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 487. Л. 12.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 492. Л. 123.

²² Там же. Л. 109.

²³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 60. Л. 289.

стве сибирской деревни: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск – Тара, 7–10 августа 2009 г.). Омск, 2012. С. 107–112.

3. Костюшко И.И. К вопросу о польских военнопленных 1920 года // Славяноведение. 2000. № 3. С. 45–62.

4. Biegański S. Repatrjacja jeńców 5-j dywizji syberyjskiej // Polacy na Syberji. Szkic historyczny. Warszawa, 1928. S. 69–76.

5. Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberji (1915–1921). Kraków, Lublin: Gebetner i Wolf, 1922. 6, 253 s.

6. Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 582–584.

7. Рэзмер В. Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920–1922 гг. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов Междунар. науч. конф. Иркутск, 2001. С. 127–129.

8. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). Документы и материалы / Публикацию подг. д-р ист. наук И.И. Костюшко. М.: Российская академия наук, Ин-т славяноведения, 2004. 403 с.

Статья поступила
в редакцию 09.04.2014

УДК [(94:39):001.891] (=554)

А.А. СУЛЕЙМАНОВ

ЮКАГИРСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1959 г.

Научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
e-mail: alexas1306@mail.ru

Автором на основе анализа архивных данных и опубликованного источникового материала реконструирована история проведения Юкагирской комплексной экспедиции – важнейшей академической инициативы в истории научного изучения одного из древнейших этносов Российской Арктики. В исследованиях в рамках данной экспедиции принимали участие сотрудники Института этнографии, Института языкознания и Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. В статье представлена характеристика методики экспедиционных изысканий, которая включала проведение археологической разведки и раскопок, опросов и интервьюирования местного населения; наблюдение за современной хозяйственно-бытовой практикой, сбор и анализ архивного, соматологического и серологического материалов. Определены и показаны основные направления, результаты и география исследований, охвативших значительную часть северо-восточных районов Якутии и Магаданскую область. Работы участников экспедиции позволили внести существенный вклад в выявление и изучение археологических памятников исследуемой территории; получить сведения о традиционных занятиях и образе жизни древних юкагиров, их физико-антропологических характеристиках, фольклоре, языке и его диалектологических особенностях, а также рассмотреть современную лингвистическую и этнокультурную ситуацию, хозяйственную деятельность и происходящие этнические процессы. Отмечено значение проведенных исследований для формирования современного научного представления о юкагирах, а также для подготовки квалифицированных научных кадров.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, юкагиры, коренные народы Севера, академические экспедиции.

В текущем году исполнилось 55 лет одной из интереснейших инициатив в истории научного изучения коренных народов Российской Арктики в XX в. – Юкагирской комплексной экспедиции Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР.

Ко времени проведения экспедиции юкагиры являлись одним из наиболее малочисленных этносов среди всех коренных народов Северо-Востока СССР. По данным Переписи населения 1959 г., в Советском Союзе проживало всего 442 юкагира, в том числе 419 на территории Якутии и Магаданской области¹.

Несмотря на имеющиеся сведения о древнейшем происхождении народа, ареале его жизнедеятельно-

сти в прошлом и его месте в этнической истории Сибири, в научных знаниях о юкагирах к концу 1950-х гг. оставалось большое количество «белых пятен». Экспедиции В.И. Иохельсона 1895–1897 и 1901–1902 гг. по-прежнему являлись единственными изысканиями, в ходе которых предпринималась попытка рассмотреть все стороны жизни этноса – его язык, историю, культуру, быт, социальные отношения [1; 2, с. 178]. Полученные В.И. Иохельсоном сведения, при их уникальности и огромной ценности, постепенно устаревали, а с развитием научной мысли некоторые из разработанных ученых теоретических положений потребовали серьезных уточнений и корректировок. Последующие исследования участников Верхоянского отряда Якутской комплексной экспедиции 1927–1929 гг., Н.И. Спиридонова, членов экспедиции Охотско-Колымского краеведческого музея 1939 г. и И.С. Гурвича в 1951 г.

¹ Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 18.02.2014).